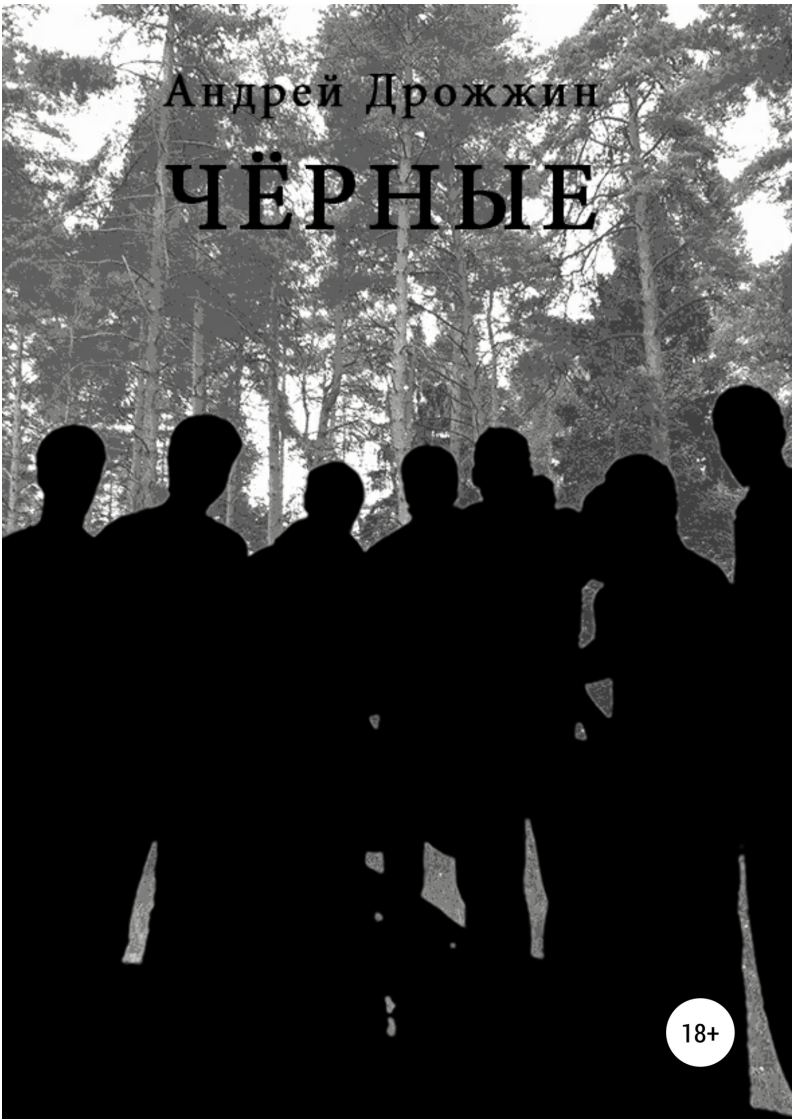
Андрей Дрожжин

ЧЁРНЫЕ



18+

Андрей Дрожжин
Чёрные

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25040294
SelfPub; 2019

Аннотация

Воспоминания члена группы чёрных копателей Фокса, от лица которого ведется повествование, возвращает читателя к самому концу 80-х, началу 90-х годов двадцатого столетия. Но события, происходящие в стране, в сложное время распада СССР и возрождения России, упоминаются лишь вскользь. Основные действия разворачиваются в местах боев Великой Отечественной Войны, где бесчинствуют мародеры. Фокс рассказывает о себе и своих друзьях, сплоченных вокруг главного героя повести, лидера группы чёрных, Рольфе. Повесть "Чёрные" полностью вымышлена. У персонажей нет живых прообразов.

Меня зовут Юрий Дрынов. Фокс. Я не писатель, поэтому не умею расписать на нескольких листах о том, как журчит водичка в ручье, щебечут птички, колышутся стебельки или травка, и тому подобное. Не ждите от меня стройного рассказа с множеством красивых и длинных прилагательных. Вернее всего мое повествование будет сбивчивым и непоследовательным, но читая внимательно, проследить хронологию будет несложно. Постараюсь обойтись без лишних описаний, а изложить только факты. Надеюсь, что воображение поможет вам дорисовать всю картину. Считайте, что читаете сценарий – краткий, «сухой» пересказ событий, без деталей.

Расскажу о нескольких самых ярких, на мой взгляд, эпизодах, произошедших в течение пяти-шести лет пока мы, точнее сказать я, занимался поисками. Умышленно, хотя все значимые события отчетливо помню, не буду называть тех мест и населенных пунктов, в которых мы побывали, людей и вещи, с которыми связаны эти воспоминания, либо называю их вымышленными именами и названиями. Скажу лишь о времени произошедшего – стык двух эпох: конец восьмидесятых и начало девяностых. Кто застал, и помнит то время передела-беспредела, тому многое объяснять не будет смысла. Кто застал, но не помнит или не застал вовсе, написанное здесь может показаться дичью или выдумкой.

Мне часто снился один и тот же короткий, без сюжета сон. Он мог бы стать фотографией если бы, не едва заметные движения в кадре: моросящий дождь и еле уловимый шелест листвы, капли, падающие с нее, поднимающийся с земли туман, скупая мимика людей. Снимай я фильм обо всем, что сейчас расскажу, то этой картинкой он бы и начинался.

Мрачный летний день, время, когда затяжной ливень уже закончился, но наступления хорошей погоды придется подождать еще несколько дней, проживая их в бесконечной, раздражающей, всепроникающей мороси. Опушка насквозь промокшего, как после потопа, в сизой дымке леса. На груде поваленных деревьев сидят человек десять ребят. Возраст – около двадцати лет. Сидят так, словно их привезли сюда специально для фотографирования, и после утомительного ожидания затишья наконец-то посадили в кадр: никто не двигается, не разговаривает, только изредка моргают, и лишь иногда то один, то другой непроизвольно приоткроет рот или пошевелит губами; хмуро, но безразлично смотрят вперед. Странно, – все в сухой и чистой одежде, но лица измученные бессонницей и усталостью, словно после длительного похода. На всех армейские штаны, закрученные снизу так, что видны черные ботинки с высокой шнуровкой, армейские же брезентовые куртки с капюшоном. Форма не новая, застиранная, потерявшая изначальный песочный цвет. Никакого камуфляжа – обычное старое армейское обмундирование. Вещмешки у кого на коленях, у кого на плече.

Посередине группы сидит высокий парень, у которого вместо куртки с капюшоном, как у всех, «вареная» черная джинсовка и немецкий картуз с козырьком и загнутыми вверх, как у пилотки, краями. Левый рукав пуст, и заправлен в нижний боковой карман куртки. Все лицо, особенно левая часть, изуродовано давно зажившим ожогом. На глазах у парня круглые очки с черными непрозрачными стеклами. Из-под них по щеке к шее спускается глубокий шрам; на правой щеке шрам короче и пересекается с другим, поменьше. Мелких порезов, как оспин, на лице и шее вообще не пересчитать.

Это Рольф. «Фотография» оживает. Он снимает свой картуз и из подворота достает зажигалку. Камера с общего плана делает очень крупный наезд на лицо и в кадре на несколько секунд остается лишь переносица и два черных кругляша очков. Раздается характерный металлический щелчок и на абсолютно непроницаемом черном фоне стекол отражается пламя зажженной «Зиппо». Камера уходит обратно на общий план и чуть в сторону. С ее отъездом вновь появляется картина всех сидящих, а поверх них посередине название: «ЧЁРНЫЕ», где очки представляют собой точки над буквой «Ё».

Сон прерывается либо в момент щелчка зажигалки; либо на этом месте; либо, что случалось реже, на картинке курящего Рольфа: с сигаретой в углу рта и картузом в единственной руке. Последний вариант был нестерпимо болезненным

для меня. Рольф уже без очков, которые «одевал» только в этом кошмарном сне, а в жизни никогда не носил, тем более круглые. Смотреть на его обезображенное лицо даже с давно зажившими ранами невыносимо. Шрам на левой щеке, скрывавшийся за очками и козырьком, на самом деле заканчивается чуть ли не на середине мелко выбритой головы; глаз отсутствует. Впадину глазного яблока кое-как прикрывает пришитое по частям к щеке натянутое верхнее веко, скорее даже кожа со лба. Сам лоб тоже весь испещрен разного размера и формы шрамами.

Рольф спокойно курит, пожевывая сигарету, манерно, как блатной, или просто шевеля губами, и смотрит себе под ноги. Самое худшее завершение этого сна – когда Рольф успевает «оторвать» свой единственный глаз от ботинка, и поднимает взгляд. Если сон длился до этого момента, я с воплем подпрыгивал на кровати, часто что-то роняя или кого-нибудь травмируя. Но, к счастью, это было нечасто. Подсознание, вероятно, уже настроилось на подобный исход, и обрубало видение на общей картинке. Но такого рода облегчение произошло лишь по прошествии долгого времени.

Помимо очков, была еще одна странность. Такое, наверное, бывает в большинстве снов: в абсолютно реальную картинку вплетается какая-нибудь сказочная несуразица или путаница. Дело в том, что все сидящие люди, вместе никогда не собирались. В разное время они входили в группу, но больше пяти человек – это число Рольф считал оптималь-

ным, хотя и не слишком счастливым, в походах не участвовало. Некоторые не только никогда не видели, но даже и не догадывались о существовании друг друга. Думаю, тут все замкнулось на мне, ведь я знал их всех.

Тем более жутко видеть себя среди погибших… Жутко, даже после того, что видел наяву…

Первый же поход оказался удачным. Мы вернулись домой на следующий день. Произошло маленькое чудо – мы остались живы!

Ночью палатку, в которой мы заночевали, озарил очень яркий свет. Он бил со всех сторон, и, может быть, не потревожил бы наш сон, если не сопровождался ударами по палатке с двух сторон.

Никакого НЛО с пришельцами, никакой чертовщины и мистики – на палатку светили люди, и лениво пинали нас с Рольфом ногами. Когда мы зашевелились, кто-то негромко, но уверенно скомандовал: «Подъем! Сначала высовываем руки, потом выползаем и садимся на землю!» Мы по очереди исполнили приказ: первым мой приятель из параллельного класса Кот (Илья Котенюк), лежавший посередине и потому не получивший ни одного удара, потом Рольф и я.

Сели, как скомандовал голос, на коленки в ряд. Теперь посередине оказался я. Напавших видно не было, – они светили нам в лица мощными фонарями. Приходилось жмуриться, и

привыкать к свету, потому что поднимать руки, чтобы прикрыть глаза «Голос» запретил. Под лучами светивших спереди, прямо нам в лица фонарей, на земле что-то белело. Светившие на палатку сбоку, подошли ближе, но так и остались несколько в стороне, – теперь все четверо стояли полукругом. Опустив и немного повернув голову в сторону подошедших, я увидел высокие черные ботинки со шнуровкой и камуфляж. В огромном кулаке, опущенной руки, чернел снятый с предохранителя, но невзведенный красавец «Токарь». Такого размера кулаку не было необходимости «в случае чего» его взводить.

Нижняя часть командовавшего ничем не отличалась от подошедшего – высокие ботинки, камуфляжные штаны. И точно также, в опущенной руке он держал «ТТ». В другой, у бедра, фонарь и какой-то не то трос, не то веревку.

Белое пятно рядом с ним чихнуло, и закрутило башкой, стряхивая слюни и громыхая ошейником. Все ясно: не трос, не веревка – поводок. Второе пятно тоже зашевелилось.

Собаки. Бультерьеры. Те самые.

«Голос», оценив ситуацию, поставил «Токарь» на предохранитель, засунул его куда-то подмышку, и снова скомандовал:

«Кто такие? Откуда? Отвечает старший!»

Рольф, как мы и договаривались накануне, сказал, что туристы, из города.

Второй, стоявший с краю, напротив «Большого кулака»,

подошел, отпихнул меня уже знакомым с моими ребрами ботинком, и посветил в палатку. Потом залез в нее. Я от его пинка через коленки Рольфа завалился вперед, и в тот же момент ко мне рванул бультерьер, но повис на натянутом поводке. Собака «Голоса» совершенно безучастно осталась сидеть на своем месте – полное и строгое разделение обязанностей.

«Сколько человек в группе? Какое оружие?»

Рольф опять отвечал, что все здесь, трое нас. Никакого оружия нет, только топор и два перочинных ножа.

Шаривший в палатке вылез, и за шиворот поднял на ноги Кота. Быстро руками сверху-вниз прошарил всю одежду, ударил ботинком сзади под колено, и Кот застонав, снова оказался на земле. Тоже самое проделал со мной. «Большой кулак» сунул пистолет подмышку, и обыскав Рольфа, кивнул главному. Ножи, лежавшие в кармане у меня и у Рольфа, обыскивающих не заинтересовали.

«Чисто, – сказал «Второй». – В палатке спальники, фонари и топор. «Детский сад» в кармане».

«Почему здесь? Ближе к городу некуда было пойти?» – продолжился допрос. Было понятно, что в нашу незамысловатую легенду о турпоходе эти «матерые» не верят. А когда они начали вытряхивать на землю содержимое наших рюкзаков, я съежился от ужаса. Сейчас они увидят карту, и мы, как в кино, будем копать себе могилу. Но карты не оказалось. Хитрый Рольф, никому не сказав, спрятал ее.

В ответ Рольф начал бормотать такую чушь, которая вообще не оставляла нам никаких шансов на спасение. И говорил ее каким-то дурацким, не своим голосом, с запинками, как будто ему пришлось выдавать страшную тайну, не выдавать которую он поклялся. «Тут танк где-то… Мы точно не знаем… Хотели найти…». «Танк? Какой танк? Откуда информация?» – «Голос» явно начинала злить такая ахинея. «Нам бабка в деревне рассказала… Здесь бои шли… В лесу танк остался… Мы не знаем… Может правда?.. Хотели разыскать…». Задававший вопросы посмотрел на державшего вторую собаку. Я в это время уже почти привык к яркому свету, и начал даже различать кое-какие предметы. Да и свет уже не так слепил: один из напавших светил на рюкзаки, другой копался в них, положив свой фонарь на землю, сам «Голос» светил в лицо Рольфа. Тот, на которого посмотрел «Голос» отрицательно покачал головой. Проводивший обыск рюкзаков поднялся.

Все замерли. С полминуты, показавшейся в ожидании приговора вечностью, слушали далекую кукушку.

«Быстро собрать рюкзаки. Спальники в скатку и подмышку. Рюкзак нести в другой руке, на плечо не одевать. Палатку и топор оставить».

Мы, ползая на четвереньках, выполнили требование, и поднялись.

«Идти тихо, один за другим».

Мощно освещая лес двумя прожекторами, нас куда-то

повели. Шли цепочкой. Двое спереди, двое с собаками, не включая фонарей, сзади. Мы между ними. Минут через десять остановились. Шедшие спереди отошли от нас шагов на пять. Конвоиры сзади без слов, за шиворот остановили нас, чтобы мы не приближались. Один из впередиидущих достал что-то из внутреннего кармана и через секунду в его руке это что-то, похожее на записную книжку, засветилось. Они повернулись к нам спиной, и обменялись парой фраз глядя в ту «книжку». После этого мы двинулись дальше, но уже сильно забирая вправо. Еще минут через десять сквозь поредевший строй деревьев стало просматриваться бледное утреннее небо. Потихоньку начинало рассветать. Парой минут спустя мы вышли из леса. «Голос» и второй, с «книжкой», погасили фонари, конвоиры сзади отпустили собак с поводков. Довольные бультерьеры побежали по полю, повизгивая, и покусывая друг друга.

«Через поле, вдоль леса дойдете до оврага. Снова повернете в лес и по оврагу дойдете до тропинки. Повернете на нее налево и через десять минут выйдете на станцию. Если вернетесь – это будет ваш последний поход».

Что творилось в этот момент в наших головах описать невозможно. Мы пошли в указанную сторону, боясь обернуться, и скорее готовые услышать выстрелы сзади, нежели веря в свое спасение. Несколько раз возле нас выскакивали из травы бультерьеры, и проводив несколько шагов, исчезали. Потом появлялись снова.

Чем дальше мы отходили, тем больше мне хотелось обернуться, и посмотреть: ушли ли наши ночные визитеры или так и стоят, смотрят на наше отступление. Но никто из нас не рискнул не то что повернуть голову, но даже приподнять ее или скосить в сторону взгляд, хотя у каждого, я думаю, была подобная мысль.

Через полчаса мы вышли к станции. Всю дорогу мы шли молча, и даже оказавшись снова в лесу, не включали фонариков, хотя в овраге, приведшем нас к тропинке, было еще темновато. Спустившись в него, присели, попили воды, сунули скатки в рюкзаки. Украдкой, исподлобья посмотрели на выходку Кота. В лица друг другу старались не глядеть.

Спасли нас, безусловно, два обстоятельства: отсутствие инвентаря и одежда. Джинсы, кроссовки, свитер на Коте и джинсовки на нас с Рольфом, совершенно не могли выдать в нас серьезного поисковика. На туриста, правда, тоже смахивало мало… Мы вообще ни на что не были похожи. И дело даже не в джинсах. Главное отличие копателя от туриста – это поведение. Настоящие туристы всегда веселые, горластые, какие-то неопрятные, даже неряшливые, готовые со всеми познакомиться и поболтать. У туриста из рюкзака может торчать лопата, висеть кружка или котелок, а иногда и то и другое. У копателя никогда вы не увидите лопату или что-то, бряцающее, издающее лишние звуки, которые могут выдать группу. Мы молчаливы, и даже угрюмы. Бывало в доро-

ге, за день, мы обменивались только несколькими фразами и то на бытовые темы: что поесть, как и где спать и тому подобное. В руках у туриста может быть книга или кроссворд, игральные карты. У копателя нет никаких бумаг, кроме карты местности, которую он никогда, в отличие от туриста, не будет смотреть прилюдно, тем более просить у кого-нибудь что-то на ней показать.

Мы сидели на пустой станции и вспоминали прошедший день с самого начала.

Встреча с контролерами закончилась в нашу пользу. Они, наверное, даже не предполагали, что у таких оборванцев с рюкзаками, непохожих на туристов, могут быть билеты. А билеты мы по наводке Кота, хорошо знавшего это направление, так как он часто ездил здесь на дачу к друзьям, купили. Правда, не до пункта назначения, а остановок на семь раньше, что составляло целых две зоны, – приличная экономия денег. Кот утверждал, что «контра» дальше уже не ходит, – дача друзей находилась еще дальше нашего конечного пункта, – и оказался прав.

Настроение, как и погода, было чудесное. Я бы даже сказал – туристическое: приподнятое, бесшабашное. Его усиливало присутствие Кота – всегда веселого, заводного, беззаботного. Никогда больше я не выезжал работать с таким «неподходящим» настроением. Тоже, кстати, показательная, отличительная черта: копатель внешне хмур, сдержан и спо-

коен, но внутри насторожен и опасен. Он как затаившийся зверь. В отличие от безалаберного туриста, ему есть чего терять, и за что волноваться; цена ошибки может быть слишком велика. Поэтому установка: ни во что не впутываться, ни коем образом не привлекать внимания, тем самым, не выдавать себя, – залог успеха всей группы.

Мы спрыгнули с платформы, чтобы быстрее затеряться в «зеленке», и через минуту были уже не видны.

Маршрут, соответствовал первому наспех подготовленному выходу, но таким он и планировался: не далеко от города, не очень далеко от станции, непродолжительный и главное, пусть это и странно звучит, практически стопроцентно безрезультатным. Что-то попасться могло, но чисто случайная, ничего не стоящая мелочь – «шлак», как называл это Рольф, и больше нас был готов к такому результату. Мы с Котом верили в фарт сразу же найти самолет или танк, потому что новичкам везет.

Прошли через лес. Сделали небольшой привал, перекусили. Рольф долго рассматривал свою самодельную карту. Он надеялся найти какие-нибудь ориентиры, но перед нами расстилалось поле, поросшее высокой некультурной травой. Скорее по наитию он указал куда нужно продолжать движение, и мы пошли по границе леса и поля.

Дошли до «угла», где лес окончился, и одно поле слилось с другим, еще большим. Но сбоку от него показался еще один лес, которого не было видно из-за этого нашего «уг-

ла». Тот более мощный лес поднимался на косогор. Увидев его, Рольф объявил, что мы пришли правильно. Но появилось одно неприятное обстоятельство: на поле метрах в ста от косогора копались какие-то люди. Нас разделяло метров триста-четыреста. Увидев раскопки, Рольф тихо выругался, и скомандовал отступление в лес. Мы затаились за деревьями и стали наблюдать.

Солнце во второй половине дня должно было скрывать нас, но замечательно освещало поле, и мы прекрасно видели все происходящее. Там было два человека в камуфляжных штанах, черных высоких ботинках со шнуровкой, в камуфляжных кепках. На одном была куртка, на другом тельняшка. На небольшом кургане выкопанной из ямы земли, сидел белый бультерьер и смотрел в нашу сторону. Тут же к нему из высокой травы забрался еще один, такой же белый, и вместе они спрыгнули в траву.

«Неужели заметил?» – подумали мы. Если да, то уже через несколько секунд собаки выскочат около нас. Тогда мы пропали. Как могли быстро мы развязали рюкзаки, достали и собрали из походного состояния саперки. Другого выхода не было – только резать нападающих собак лопатами. Встали плотнее, в паре шагов перед собой, со стороны атаки, оставили кучей рюкзаки. Секунды таяли, напряжение возрастало. Но ни приближающегося шороха травы, ни лая так и не услышали.

Вдруг один бультерьер снова показался на том же курга-

не, за ним другой и опять вместе скатились в высокую траву. Мы выдохнули: нас не заметили ни люди, ни собаки. К счастью у бультерьеров плохое зрение и обоняние. За то на их игрища «из-под земли» выскочил еще один «камуфляж», и бросил собакам что-то вслед. Вероятно, они играя забросали его землей. Появился и еще один «камуфляж». В течение получаса мы насчитали пятерых неповторяющихся человек. Рольф еще раз сверившись со своей картой, сказал, что ребята хоть и «прикинутые», но копают не там.

«Прикинутыми» он назвал их не случайно. В то время камуфляж был только у афганского контингента и, может, каких-то неизвестных никому спецподразделений. В продаже он только начал появляться и достать его стоило больших денег или связей. Наша армия носила еще форму спроектированную, наверное, во времена царя гороха, прошедшую не одну войну. На этих же ребятах был не просто камуфляж, а вроде бы даже какая-то натовская форма – светлая, песочного цвета, без зелени. Бультерьеры – тоже веяние новой моды, мог себе позволить совсем не каждый. Хотелось бы назвать их профессионалами, но как сказал Рольф: «копают они не там». Это означало, что у нас появляется шанс.

Нужное место, по словам Рольфа, находилось примерно в полукилометре от «ребят с бультерьерами». Начинать работу в такой близости, на полностью открытом участке – занятие провальное. У них наверняка были бинокли, да и без них место слишком просматриваемое. Но сегодня копать все

равно было уже поздно и в надежде, что «прикинутые» завтра «обломаются и свалят», мы решили остановиться в том лесу, который на пригорке, то есть у них за спиной и чуть-чуть сбоку, как раз над нужным нам местом.

Больше часа мы топали туда по большому кругу: немного вернулись от «угла» обратно по уже пройденному пути, а потом через лес и поле. Перед выходом на него, Рольф залез на дерево, и посмотрел: не видно ли ту группу. Она оказалась настолько далеко, что можно было смело начинать движение по высокой полевой траве.

Когда мы добрались до места, солнце уже совсем опустилось. Далеко в лес углубляться не стали. Нашли хорошую ровную площадку и сначала просто сидели отдыхали, с интересом наблюдая за «прикинутыми». Те все еще продолжали копаться. Мы поставили палатку и сели на пригорок с банками тушенки в руках. Костер решили не разводить – все-таки довольно близко, – будет виден и огонь и тем более дым. Сидели ели тушенку с хлебом и смотрели, как группа закончила работу и тоже собралась у костра. В итоге их оказалось шестеро плюс две собаки.

Нам было немного завидно и если бы не шуточки Кота, наверное, даже грустно. У них настоящая группа: организованные, одинаково одетые, одержимые общей идеей, скорее всего, неплохо оснащенные – бинокль, по крайней мере оказался точно: окончив работу и перед тем как разжечь костер, один из них стал осматривать окрестность. Мы в этот мо-

мент залегли и не шевелились, только подглядывали. Осмотрев поля, дозорный перешел на «зеленку», поворачиваясь по кругу, и несколько раз замирал, во что-то всматриваясь. Заострил свой взгляд он и в районе нашей дислокации, но не больше, чем на других местах, из чего мы сделали вывод, что ничем себя не выдали. Еще бы, мы даже жевать перестали, а палатку за деревьями видно быть не должно.

Самое же главное: «прикинутые» уже копали! И не важно: нашли они что-нибудь или нет, но они уже потрогали эту видавшую войну и хранящую ее трофеи землю.

Мы решили лечь пораньше, но перед этим Рольф, словно предчувствуя что-то, предложил спрятать лопаты. Мы с Котом начали хохмить, что если вдруг среди ночи придет дикая мышь, то нам нечем будет отбиваться, но Рольф спокойно, без всякой агрессии и иронии сказал, что отобьемся топором, а потом отошел шагов на двадцать и указал место, где нужно зарыть лопаты. Возможно, они и по сей день там лежат.

Среди ночи мы, непривычные к жизни в лесу, несколько раз на какие-то шорохи и хрусты не без опаски вылезали из палатки, и светили по деревьям. И ничего, и не кого не увидев, но от этого не более успокоенные, возвращались в свои спальники. В конце концов, усталость взяла свое, и не обращая больше внимания на непрекращающиеся лесные звуки, мы уснули.

А потом проснулись…

Кот был так напуган, что не стесняясь быть осмеянным заявил, о возвращении домой первой же электричкой. Об этом можно было и не говорить – все прекрасно понимали, что «турпоход» окончен и нужно возвращаться. Запасного варианта в тот момент у Рольфа не было, да и наши потери не позволяли продолжить поиски. Вернее, не продолжить, а начать. Лопаты, палатка, карта – остались в лесу. Их найти и вернуть еще можно. Но вот желание что-либо делать и настроение – утеряно безвозвратно. Мы с пониманием смотрели как все, что было в своем рюкзаке – банки с тушенкой, хлеб, ложку, фонарь и прочее, Кот, попив воды, с остервенением вытряхнул, и разбросал по оврагу. Оставил только спальник. Батон хлеба, который никак не хотел улетать в кусты, и несколько раз оказывался перед ним, белея в сумерках оврага, Кот пинал ногой, пока тот не развалился.

Никто не посмел упрекнуть его.

По возвращении, мы поняли, что не только запал, но и Кота потеряли тоже. Он вышел из электрички, и не попрощавшись и не оборачиваясь, быстро пошел в сторону дома. Нас с тех пор он категорически стал обходить стороной, словно в произошедшем была моя или Рольфа вина. На звонки не отвечал, в местах, где по вечерам собирается молодежь, не появлялся. Со временем от общих друзей стало известно, что ссылаясь на занятость, он даже перестал ездить на ту, любимую им дачу. Одни мы знали истинную причину, но молча-

ли, как и договорились. Кот же, по словам тех самых друзей, с головой погрузился в свое хобби. Он еще со школы время от времени занимался фарцовкой в местах скопления интуристов. Сейчас же отдался этому занятию всецело. Но об этом я расскажу, когда Коту придет черед вернуться в нашу жизнь.

Рольф из первого неудачного похода сделал неутешительные выводы: мы слабые, неорганизованные, плохо укомплектованные.

Группу нужно усилить. Рольф не раздумывая, сразу же списал со счетов скисшего Кота, и если бы тот «отошел» и появился или позвонил, во второй раз в группу бы не попал. Такие слюнтяи и истерички могут подставить всех. Ребята нужны крепкие, адекватно понимающие и не обсуждающие поставленные задачи. Рольф хотел четкого распределения обязанностей и чуть ли не армейской дисциплины.

Группа должна быть оснащена и вооружена. Перочинные туристические ножи – «Детский сад», как назвал их обыскивавший нас в лесу «матерый», не годились даже хлеб порезать, и являли собой сущий позор. Мы с ними, кстати, так и вернулись. Нападавшие даже забирать их не стали и не обращали никакого внимания, что ножи у нас в кармане. «Детский сад» в общем, точно… Правда, Рольф не учел, что этот «позор» тоже отчасти сыграл нам на руку, когда той ночью мы выдавали себя за туристов.

Но главный и самый печальный вывод – он не смог проявить себя лидером, способным в любых обстоятельствах повести за собой. Если с первыми тремя пунктами все более-менее понятно, то на последнем стоит остановиться особо.

Повести за собой… Что это значило? В той ситуации – вернуться! За наше стояние на коленях, за это унижение, напавших нужно было наказать, а мы струсили! К счастью, себя Рольф не выгораживал и не отделял от нас с Котом. Я не разделял его мысли, и говорил, что: будучи дома, когда прокручиваешь назад всю картинку, легко быть героем. При этом хотелось добавить: «и лидером», но поскольку я не претендовал на это звание, то и Рольфа решил не нервировать. А там, в лесу, мы отступали все вместе, думая только об одном: скорее бы унести ноги. От страха и досады даже не разговаривая.

Рольф стоял на своем – за оскорбление они должны были ответить, а мы сбежали. Я говорил, что мы висели на волоске и надо благодарить их за наше спасение, а унижение – это съедающая его, теперь уже лишенная всякого смысла, жажда мести. Запоздалая, так не похожая на его не по годам взвешенные, мудрые решения, и так напоминающая беспомощную детскую обиду.

Мы были на грани ссоры.

Каким образом он собирался отомстить? Подкрасться к ним спящим, как это сделали они и перерезать горло сапер-

ками? Ну, это можно, и то с большой оговоркой, сделать с бультерьерами, если бы те все-таки пустились за нами в лес, увидев со своего кургана. Но и тогда, не уверен, что мы не понесли бы потери в драке с малочувствительными к боли собаками. А за убитых или искалеченных булей, нас бы расстреляли или закопали живьем. Сомневаться нечего – именно такой исход был самым вероятным.

Туристы, блин…

Сейчас могу предположить, что если бы произошло невероятное, и мы собрали волю в кулак, набрались смелости, и вернулись, то только за лопатами и палаткой. Такой поступок характеризовал бы нас как отступивших, но не сдавшихся, и прибавил уверенности в себе, тем более что вернуться пришлось бы без Кота. Но вступать в прямую борьбу с подготовленными и вооруженными мужиками нам, мальчишкам с перочинными ножами, было просто безумием! А главное: зачем? Забрать их находки? Но Рольф сам утверждал, что «копают они не там». Взять «шлак» – замки от ящиков, гильзы, пустые пулеметные ленты, вернее то, что от них осталось – рассыпающуюся в руках труху?

Оборудование, экипировка – вот главные, по мнению Рольфа, трофеи. Бинокль, фонари-прожекторы, возможно, металлоискатели и приборы ночного видения, с помощью которых нас, как мы догадались позже, и обнаружили. А чего стоила невиданная электронная карта – та светящаяся «записная книжка» указавшая правильное направление в ноч-

ном лесу! Недосягаемые в то время для нас вещи. Тогда мы даже названий таких не знали. Эти трофеи стоили риска. Но оправданного. На такое «дело» надо идти хорошо подготовленным, а не взятым перед этим спящим в плен. Да что говорить – все это выдумки!.. Хотя, может, и нет, ведь уже через несколько лет заматеревший, безжалостный Рольф ради подобного куша готов был еще и не на такое.

После этого неприятного разговора Рольф начал меняться на глазах. Он очень быстро оправился от потрясения, «выкинул из головы мешающую чепуху», как он сказал, и приступил к подготовке второго похода. О неудаче первого договорились никому не рассказывать.

Подготовка заняла немало времени. Стоит сказать, что в том году мы вышли лишь дважды. Тот первый, «удачный» раз в конце июня, второй уже в сентябре. Он выдался теплым, сухим, в такую погоду учиться совсем не хотелось.

За лето мы сблизились с Доктором – Сашкой Новгородовым. Каким ветром его занесло в наш технарь одному Богу известно. Его родители, оба врачи, хирурги; дед и умершая бабка, тоже были врачами; и потому в том самом сентябре Доктор не стал вместе с нами переходить на второй курс, а поступил на первый в медицинское училище. Уход из техникума только укрепил наши отношения. Ко второму походу Доктор стал для меня настолько своим, что я теперь даже не понимаю: как первый поход состоялся без него? Странно,

что Рольф взял Кота, которого видел всего пару раз, и не обратил внимания на одногруппника. Оказалось не так. Внимание он обратил, и уже сделал кое-какие выводы. Поэтому тогда ему проще было взять незнакомого, чем того, в ком он хоть немного сомневался. А за Кота, в случае чего, есть с кого спросить. И не спросил лишь потому, что взял его сам, – я его не предлагал. Вскоре Рольф наступит на те же грабли – возьмет незнакомых, но уже по нашей протекции.

Мы с Доктором занимались приготовлением по хозяйственной части, которая заключалась в приобретении инвентаря, а Рольф был полностью сосредоточен на поиске информации. Видеться мы стали довольно редко – он постоянно где-то пропадал, не посвящая нас в детали. Нашими успехами тоже практически не интересовался, что не могло не огорчать. Сначала мы думали, что Рольф настолько нам доверяет. Но вскоре поняли, что, на самом деле, ему было совершенно все равно: достали мы что-то или нет. Он с такой самоотдачей готовился ко второму походу, что пошел бы и один, и в той же самой джинсовке, и в то же самое место.

Быстрее всего нашлись лопаты и нормальные фонари. Сложнее дело обстояло с хорошими ножами, но и они вскоре у нас появились. Армейской формой разжились у братьев, с одним из которых старший брат Доктора учился в одном классе.

Два безмозглых переростка, старше нас, и многих из своей компании; футбольные фаны зарождающегося в нашей

стране движения футбольных хулиганов, ничего общего с болельщиками не имеющего. Братья, кроме того, мнили себя неофашистами, – тоже вылезшее на свободу новое веяние, но ничего толком о движении неофашистов не знали, только безобразничали и одевались по-скинхедски. Лысые; в подвернутых джинсах и армейских ботинках; в черных футболках и болтающихся подтяжках; горластые и задиристые – эти парни слыли бедой района: орали и хулиганили, провоцировали и оскорбляли, никогда не пропускали ни одной потасовки, часто выступая зачинщиками просто так, для потехи. Имели кучу приводов, а старший условный срок за воровство колес с легковушки из соседнего двора. Условный лишь потому, что: с одной стороны, – его взяли «на месте», но с другой, – предъявить, по сути, было нечего: он лежал пьяным в кустах около той самой машины, и все.

А события развивались так. Увидев бегущих к ним ментов, старший скомандовал брату чтобы «мотал», а сам завалился в кусты и притворился спящим. Они и правда пошли «на дело» прилично «датыми». История вышла нелепая: возле стоящей на кирпичах машины разбросаны колеса и пьяный в кустах, а вора, не привыкшим к беготне ментам, догнать не удалось. Имущество, казалось бы, не украдено и не пострадало, но хозяин, мужичок старой закалки, настоял на «возбуждении». Дело надо было как-то закрывать. Пригодился пьяница. Закрыли «примотав» старшему брату без доказательств «1,5 условно».

Несколько лет после этого братья при каждом удобном случае угрожали мужику расправой, а когда открыто вышли на тропу беспредела, подвесили правдолюба за ноги к антенне на крыше шестнадцатиэтажки. Там его обезображенный, разлагающийся на жаре труп через несколько дней и нашли с кляпом во рту и выклеванными глазами. Совершенно случайно, из-за полчища кружащих и галдящих над крышей ворон.

Именно у этих идиотов, кто-то из родственников, то ли живший с ними брат матери, то ли отчим, служил в строительных войсках майором, а воровал, как последний каптер.

Весь инвентарь Пиво и Сила, такие кликухи братья носили среди своих друзей, местной шпаны, забарыжили нам по сходной цене, и лишь форму «подогнали» просто так, «за пиво», когда «сделались» членами нашей группы.

Звали их Василий и Дмитрий Абрамовы. Ими Рольф без предварительной, по своей ошибке, проверки согласился «усилить» нашу группу. Ребята и правда были здоровые, с разницей в возрасте в четыре года, но похожие друг на друга, как помидоры, что торгаши выкладывают на витрину. Определить кто из них старше не представлялось возможным еще и по причине равного скудоумия.

Доктор Рольфу их не навязывал. Что-то навязать Рольфу и раньше никому бы не удалось, а сейчас его, меняющегося на глазах, даже переубедить стало крайне сложно. Доктор просто сказал, что есть такие крепкие ребята, братья, гото-

вые к авантюрам. Рольф тогда пропустил мимо ушей слово «авантюра», но, как оказалось, не забыл, а лишь «приберег до случая», усилив свои выводы про Доктора. И когда одной весной такой случай представился, припомнил Доктору, как тот назвал дело всей его жизни.

Кроме того, у братьев можно разжиться армейской формой. Про то, что лопаты и другой инвентарь мы купили именно у них, промолчал. Я подтвердил мощность парней, но, в свою очередь, тоже кое о чем промолчал. К сожалению, оказалось совсем не «кое о чем», а о самом важном – об отсутствии у них мозга. Рольф был поглощен приготовлениями, не вспоминал и не находил времени, да и особого желания, познакомиться с новыми, доверяя нашему выбору.

Сейчас это кажется фантастикой: он еще не был таким разборчивым, и кому-то доверял! Но это только потому, что еще не стал «настоящим» Рольфом. Настоящим он становился раз от раза, вернее, с каждым разом все больше и больше, и к концу нашей дружбы от того Ромы, как я его еще называл, но уже все реже, и с которым меня свела судьба на первом курсе техникума, и с которым мы, увлеченные общим делом, провели несколько лет, не осталось и следа. А стал он в результате беспощадным, жестоким хищником, наглым и циничным мародером.

Начался же этот путь перерождения не с первого похода, а с нашего разговора состоявшегося после него. И то, и другое Рольф стер из памяти, как неприятный, позорный эпизод.

Он действительно быстро и полностью оправился от провала. Специально начал набирать вес и качаться. Стал еще более замкнутым, молчаливым, целеустремленным. Наша первая неудача перестала, как мне казалось, волновать его. Он шел вперед, не оборачиваясь в прошлое. Делал выводы, и стараясь следовать им, двигался дальше. Никогда не вспоминал предыдущих походов: ни хорошее из них, ни тем более плохое – такие разговоры сразу обрубал. С инициатором критики в свой адрес разбирался отдельно (такое на моей памяти было раз или два – критиковать Рольфа недальновидная глупость). Не позволял сравнений, даже если в этот раз все складывалось более удачно, нежели раньше. У Рольфа была прекрасная память, и никто не сомневался, что он помнит все до самых мелочей. И особенно неудачи. Именно они укрепляли его, помогали стать мудрее и тверже. «Удача не закаляет, – говорил он. – Удача не зависит от тебя, – она извне. Она только вредит потому, что полагаясь на нее, теряешь концентрацию. Я верю в себя. И мне необходимо лишь чуточку везения, когда все абсолютно «не в масть». С остальным я справлюсь».

Рольф никогда не терпел фамильярности, и кое-какие вольности в обращении позволял только мне. Не от боязни, что я выдам нашу тайну первой вылазки, так ударившую по его самолюбию. Просто всю жизнь, скитаясь за родителями, ему во всем приходилось полагаться только на себя, и теперь, осев, пришло время, обзавестись друзьями. Рольфу просто

необходимо было кому-то доверять. Его первым другом стал я.

Фоксом назвал меня именно он. До этого я был Дрыном, – по фамилии. «Погоняло» пришло за мной в технарь, где мы познакомились с Романом… то есть Рольфом, с кем-то из ребят с моей же школы. Но не прижилось. Вернее быстро отклеилось, когда Рольф двумя ударами выбил у окликнувшего меня и разом у всех свидетелей произошедшего, охоту называть меня не по имени. Я его об этом не просил. Мы были едва знакомы. Тем более за восемь лет школы уже так привык, что не обижался. А если б и обиделся, то вполне смог бы сам наказать обидчика. Оказалось, что Рольфа просто бесил тот паренек, и он нашел повод. Но и кликуха ему моя, надо сказать, тоже не нравилась. Не соответствовала она моему облику, как он говорил. «Дрын – это что-то здоровое, неповоротливое, грозящее травмировать, а ты юркий, мелкий, черный». Я и правда подвижный (сказались занятия боксом и борьбой) и темноволосый, но отнюдь не мелкий. Если не сутулюсь, а это бывает редко, мой рост достигает метра семидесяти пяти. Вполне достаточно, но по сравнению с Рольфом, соглашусь, я не слишком большой. Он отличался завидным ростом, – более метр девяносто, но казался даже выше потому, что не горбился, как все высокие. При этом неприличной худобой. Вот и показался я ему коротышкой. А Фоксом он стал называть меня немного позже, когда мы

уже сдружились, и то с моего же согласия. Я не возражал, только спросил: не из-за схожести с фокстерьером, припомнив его: «мелкий, черный» он такое выдумал? Рольф засмеялся, и ответил: «Нет». Я тоже засмеялся – мое сравнение ему явно понравилось. Но имя он придумал мне, да и себе тоже, не из-за собак, а по причине своей страсти ко всему немецкому, связанному с гитлеровской Германией.

До приближающихся осенних дождей, а за ними и холодов времени действительно оставалось мало, а хотелось сделать еще хоть один выход. Рольф «познакомился» с крепышами только на станции перед самой отправкой. Сцена была немая, но красноречивей любых слов.

Увидев клонов с бутылками пива в руках, он только вопросительно посмотрел на меня. Я знал, насколько тяжелым может быть взгляд Рольфа. Сам не единожды был свидетелем, как под этим взглядом тушевались его оппоненты, но на себе этот невыносимый взгляд, поймал впервые, и не выдержав, отвернулся, потупившись, как школьник. Злость, страх, досада переполняли меня. Злость на этих идиотов. Страх, что Рольф сейчас, с горяча, все отменит, уйдет не оборачиваясь, и навсегда вычеркнет меня, как Кот здесь же, на этой самой платформе, в июне. Досада на себя – что я сам так облажался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.